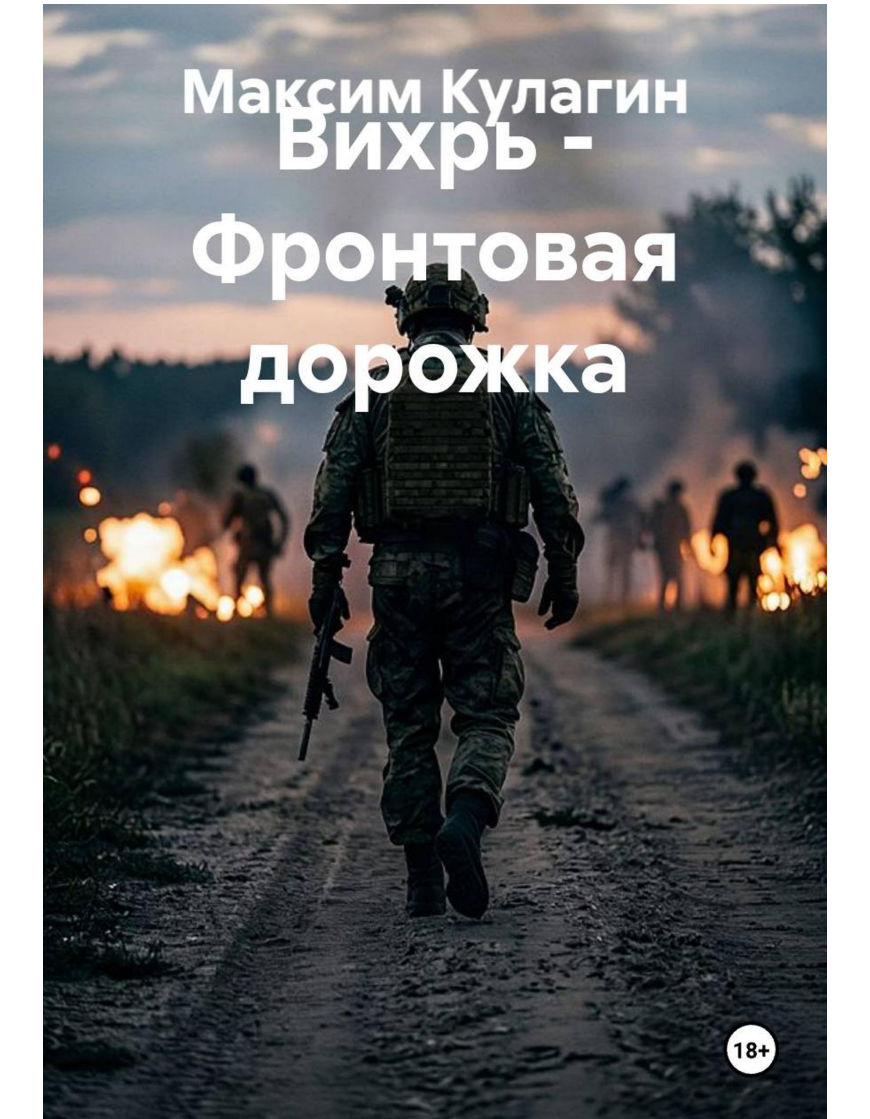

A soldier in full combat gear, including a helmet and tactical vest, is seen from behind, walking away on a muddy, rutted path. In the background, there are large fires burning, creating a hazy, smoke-filled atmosphere. Other figures are visible in the distance, also walking away from the viewer. The sky is overcast with soft, diffused light.

Максим Кулагин Вихрь - Фронтальная дорожка

18+

Максим Кулагин

Вихрь - Фронтальная дорожка

<https://litres.ru/74424494>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-88721-3

Аннотация

«Вихрь. Фронтальная дорожка»

В центре истории — боец с позывным Вихрь. Его прозвище не просто меткая кличка: в нём — вся суть характера: стремительность, напор, умение в считанные секунды просчитать хаос и выхватить из него единственно верный путь. На фронте дорога — не просто маршрут от точки А к точке Б, а живая, изменчивая стихия: размытые тропы, засады, внезапные обстрелы, тишина, которая страшнее любого грохота. И именно по этим дорогам Вихрь ведёт свою группу, снова и снова выбирая тот самый шаг, от которого зависят чужие жизни.

За внешней собранностью и стальной выдержкой прячется личная драма: воспоминания о мирной жизни, где всё было иначе, и груз ответственности, который он не снимает ни на минуту. В коротких передышках между заданиями проступают детали, делающие его не «идеальным бойцом», а живым человеком: мысли о доме, старые привычки, неловкие шутки, которыми бойцы пытаются удержать себя на плаву.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вихрь - Фронтальная дорожка

Глава 1

Позывной

Дождь шёл уже третий день подряд. Он не был тем уютным осенним дождём, что стучит по крышам и шепчет: «Останься дома, выпей чаю». Этот дождь хлестал по асфальту, размывал обочины и превращал просёлочные дороги в вязкую кашу, в которой тонули колёса старых грузовиков.

Максим стоял у края дороги и смотрел, как серая пелена скрывает горизонт. Его куртка давно промокла, а капюшон, казалось, только собирал воду, чтобы потом вылить её за воротник. Но он не двигался. Будто боялся, что любое движение нарушит хрупкое равновесие между тем, кем он был ещё вчера, и тем, кем ему предстояло стать сегодня.

Рядом, прислонившись к покосившемуся столбу, стоял сержант с усталыми глазами и говорил в рацию:

— «Центр», я «Гранит», приём. У нас пополнение. Один. Стоит, как вкопанный.

Рация ответила хриплым голосом:

— Пусть не стоит. Пусть идёт. У нас тут не смотровая площадка.

Сержант опустил рацию и посмотрел на Максима:

— Ну, чего застыл? Тут не вокзал. Тут не ждут, пока поезд приедет. Тут сами поезда строят, сами рельсы чинят, сами... всё сами.

Максим сглотнул. Он хотел сказать что-то вроде «я не готов», или «я ошибся адресом», или просто «верните меня обратно», но вместо этого спросил:

— А куда идти?

— Туда, где кричат меньше всего. Обычно там и есть самое страшное.

Они двинулись по размытой дороге, увязая в грязи. Каждый шаг давался тяжело, будто сама земля не хотела отпустить тех, кто сюда пришёл. Максим чувствовал, как усталость накатывает волнами, но не от дороги — от понимания, что назад пути уже нет.

Через полчаса они оказались у полуразрушенного здания, которое когда-то было школой. Теперь окна были заколочены, а во дворе стояли ящики и палатки. Здесь пахло дымом, металлом и чем-то горьким, что Максим не мог определить.

— Вот, держи, — сержант протянул ему бронежилет, который явно уже кому-то служил. — И придумай себе позывной. Без позывного тут как без имени. А без имени — как без лица.

— Позывной? — Максим растерялся. — Я... я не знаю.

— Тогда я придумаю. Ты стоишь под дождём, как будто он тебя не касается. Как будто ты внутри него, но не его часть.

Ты как вихрь. Будешь «Вихрь».

Максим кивнул, не в силах спорить. «Вихрь» звучало чуждо, но в то же время будто подходило к тому хаосу, что творился у него внутри.

В ту же ночь он впервые услышал, как стреляет артиллерия. Звук был не таким, как в фильмах, — он не был громким, он был всепроникающим. Он шёл сквозь землю, сквозь стены, сквозь рёбра, и казалось, что сама ночь дрожит от этого ритма.

«Вихрь» сидел в углу, прижавшись к холодной стене, и думал, что если бы можно было отмотать время назад, он бы выбрал другой путь. Но потом он услышал, как кто-то зовёт на помощь, и понял, что пути назад нет. Есть только вперёд. И есть долг — не перед кем-то, а перед самим собой: не сломаться.

Глава 2

Глава 2. Возвращение с задания

Пыль оседала медленно, будто не хотела расставаться с дорогой. Колонна остановилась у края лесополосы — дальше шли пешком. Вихрь шёл последним, замыкая группу, и всё время оглядывался, будто хотел убедиться, что позади никого не осталось.

У блиндажа их уже ждали: кто-то молча кивнул, кто-то тихо буркнул: «Ну, живы». Вихрь не ответил сразу — он сначала пересчитал глазами всех своих: раз, два, три, четыре... все на месте. Только после этого выдохнул, и плечи чуть опустились, будто сбросили лишний вес.

— Снимайте разгрузки, — сказал он спокойно, негромко. — И перчатки. Перчатки в первую очередь. Пусть просохнут.

Бойцы повиновались, кто-то с облегчением, кто-то со стоном — спина ныла, руки дрожали от усталости. Молодой боец, тот самый, которому Вихрь вчера наливал чай, стянул перчатки и вдруг замер, глядя на свои пальцы: они были белыми, сморщенными, будто он долго держал руки в воде.

— Это от пота, — тихо сказал Вихрь, заметив его взгляд. — Ничего страшного. Просто дай рукам отдохнуть.

Он сам снял перчатки, положил их на ящик у входа, потом потянулся и на секунду замер, прислушиваясь к себе: спи-

на тянула, в висках стучало, но это была привычная, почти родная усталость — та, после которой можно было сказать: «Сегодня мы сделали всё, что могли».

В блиндаже было темно и тесно, но здесь пахло не только сыростью — здесь пахло своим, привычным: старым деревом, горячим чаем, немного табаком, немного железом. Вихрь достал из рюкзака ту самую помятую алюминиевую кружку, поставил её на край ящика и потянулся за газовой горелкой.

— Сейчас чай будет, — сказал он, будто это было самое важное дело на свете.

Молодой боец сел рядом, прислонился спиной к стене и тихо спросил:

— Командир, а ты всегда такой... спокойный? Ну, когда возвращаешься?

Вихрь хмыкнул, но без насмешки.

— Не всегда. Просто научился не показывать. Когда ты командир, нельзя, чтобы ребята видели, как у тебя руки трясутся. А они трясутся, поверь. Просто потом, когда все разойдутся.

Боец кивнул, будто услышал то, что ему нужно было услышать: что и командиру бывает страшно и тяжело, просто он не ломается.

Пока вода грелась, Вихрь достал изоленту и примотал к ручке кружки кусок тряпки — так удобнее держать, да и не обжигает. Это была его маленькая хитрость, о которой знали

все: если у кого-то кружка без ручки или с отбитым краем, Вихрь обязательно что-нибудь придумает.

Когда чай был готов, он разлил его по кружкам, поделил сахар — снова пополам, как вчера. Потом достал из кармана записную книжку, открыл на чистой странице и записал: «Вернулись. Все целы». Короткая фраза, но она значила больше, чем любой отчёт.

— Знаешь, что самое трудное после задания? — спросил он вдруг, глядя не на бойца, а куда-то в темноту у стены. — Не идти. А потом сидеть и думать: а всё ли я сделал правильно? Не забыл ли чего-то важного?

Боец помолчал, потом тихо ответил:

— Ты ничего не забываешь, командир. Ты даже перчатки проверяешь.

Вихрь чуть улыбнулся — совсем немного, только уголками губ.

— Перчатки — это просто. Главное, чтобы люди были целы. Остальное приложится.

Он сделал глоток чая, зажмурился на секунду от тепла, потом поставил кружку на ящик и потянулся к своему нагрудному карману. Достал тот самый сложенный листок, быстро пробежал глазами строки: «Мам, я жив. Тут холодно, но я в порядке...» Прочитал, будто проверяя, что слова всё ещё на месте, потом снова спрятал его.

— Когда-нибудь я его отправлю, — тихо сказал он, скорее себе, чем бойцу. — Когда будет возможность.

В блиндаже становилось тише. Кто-то уже дремал, свернувшись в углу, кто-то тихо переговаривался. Вихрь посидел ещё немного, допил чай, потом аккуратно убрал горелку и кружку, прикрыл их тряпкой, чтобы не остывали.

— Ложись спать, — сказал он бойцу, уже мягче, почти потцовски. — Завтра будет новый день. А сегодня мы вернулись. Это уже хорошо.

И когда парень закрыл глаза, Вихрь ещё долго сидел у входа, слушая, как затихает ночь. Он не спешил ложиться. Ему нужно было ещё немного посидеть и просто почувствовать: они вернулись. Все.

Глава 3

Рассвет подкрался незаметно — не ярким солнцем, а серой, вязкой полумглой, когда небо будто стирает границы между землёй и небом. В этой серости всё выглядело одинаково: разбитая дорога, покосившийся забор, тень от сгоревшей машины. Здесь не было красок — только оттенки усталости. Максим, которого в отряде звали просто Вихрь, сидел на корточках у края дороги и чистил автомат. Делал он это почти машинально, как человек, для которого каждое движение давно стало частью ритма жизни. Рядом, прислонившись к бетонному блоку, дремал сержант. Его веки подрагивали, будто даже во сне он продолжал кудато идти. Вихрь на секунду замер, прислушался. Тишина здесь была особенной — не мирной, а насторожённой, как перед грозой. Он поднял глаза на дорогу, уходящую за поворот, и вспомнил вчерашний разговор с командиром. «Ты слишком много думаешь, Вихрь, — усмехнулся тогда майор, затягиваясь сигаретой, которую курил не в затылок, а просто держал в пальцах, будто она была ему нужна как якорь. — Тебе бы просто делать своё дело: идти, стрелять, возвращаться. А ты всё ищешь смысл». Вихрь тогда ничего не ответил. Какой смысл искать там, где его, кажется, и не бывает? Но мысль всё равно крутилась в голове, как застрявшая пластинка: зачем он здесь? Не ради приказов, не ради наград — а ради чего-то

большого, что пока не получалось назвать словами. Из блиндажа вышел рядовой Петров — совсем мальчишка, которому ещё месяц назад, наверное, мама напоминала надеть шапку. Сейчас он нёс котелок с остывшим чаем и неловко споткнулся о торчащий кусок арматуры. Котелок звякнул, звук показался оглушительно громким в этой тишине. — Тихо, тихо, — буркнул Громов, просыпаясь и потирая лицо руками, словно стирая с него остатки сна. — Тут тишина дороже золота. Петров покраснел, поставил котелок рядом с Вихрём и пробормотал: — Тут... чай. Почти тёплый. Вихрь кивнул, взял котелок, сделал глоток. Чай был горьким, без сахара, с привкусом дыма. Но именно этот вкус казался сейчас самым настоящим. — Как рука? — спросил Вихрь, глядя на перебинтованную кисть Петрова. Вчера осколок чиркнул по коже, но парень даже не пожаловался, пока бинт не стал красным. — Нормально, — отмахнулся Петров, но поморщился, когда случайно задел повязку. — Просто царапина. Громов хмыкнул: — «Царапина»... Ты бы видел, что у меня после первой командировки было. Думал, руку не спасти. А сейчас вот — держится. Главное, не думать об этом. Когда думаешь — болит сильнее. Вихрь снова посмотрел на дорогу. Там, за поворотом, их ждало новое задание. Не героическое, не из фильмов: нужно было проверить старую ферму, где, по данным разведки, могли прятаться дроны. Обыденная рутина, которая могла закончиться в любую секунду. Он поднялся, проверил магазин, закинул автомат на плечо. В движении

ях не было суеты — только собранность, как у человека, который знает цену каждой секунде.— Пойдём, — сказал он спокойно. — Чем раньше начнём, тем раньше вернёмся. Петров нервно сглотнул, но шагнул следом. Громов, ворча что-то про молодых и горячих, замыкал группу. Дорога шла через поле, где когда-то колосилась пшеница. Теперь здесь торчали сухие стебли, перемешанные с осколками и кусками металла. Каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, будто земля помнила всё, что здесь происходило. Вихрь шёл впереди, вглядываясь в каждый куст, в каждую тень. Он не был страшным — он просто научился не показывать страх. Страх был здесь, внутри, как холодный камень, который со временем становится привычным. На ферме их встретил запах гари и сырости. Здание стояло косо, будто его кто-то толкнул, но оно так и не упало. Вихрь поднял руку — команда остановиться. Он прислушался, потом тихо позвал:— Эй! Есть кто живой? Тишина ответила ему долгим молчанием. И в этом молчании было что-то страшнее любого крика. Он сделал шаг внутрь, держа автомат наготове. Свет пробивался сквозь дыры в крыше, рисуя на полу странные узоры. Вихрь двигался медленно, стараясь не шуметь, но каждый скрип половицы казался выстрелом. В углу он заметил что-то блестящее. Подошёл ближе. Это был дрон — маленький, почти игрушечный, но от этого ещё более зловещий. Вихрь наклонился, осторожно потрогал его, потом резко отдернул руку. На корпусе виднелись следы свежей пайки — значит, его готовили

к запуску совсем недавно. Сердце забилося быстрее, но лицо осталось спокойным. Он достал рацию, тихо произнёс:— База, это Вихрь. На объекте обнаружен дрон. Похоже, готовят запуск. Нужна поддержка. Ответ пришёл почти сразу:— Принято, Вихрь. Держитесь. Помощь в пути. Он убрал рацию и огляделся. В этом заброшенном месте чувствовалось чьё-то присутствие — невидимое, но осязаемое, как сквозняк в пустом доме. Вихрь знал: они здесь не одни. И в этот момент тишина взорвалась звуком — резким, металлическим, чужим. Где-то рядом щёлкнул затвор. Вихрь мгновенно упал на пол, перекатился за угол. Сердце колотилось в груди, но мысли были ясными, как никогда. Он знал, что сейчас начнётся самое трудное. Но он также знал, что не имеет права отступить. Потому что за его спиной были ребята. Потому что дорога, по которой он шёл, не прощала слабости. Потому что он был Вихрь — и эта дорога стала его судьбой

Глава 4

Звук щелчка слился с короткой очередью — и время будто раскололось на «до» и «после». Вихрь уже катился по полу, уходя с линии огня, когда над его головой с треском осыпалась штукатурка. В воздухе повисла едкая пыль, смешанная с запахом горелого пластика и металла.— В укрытие! — крикнул Вихрь, сам не слыша собственного голоса из звона в ушах. Петров, прижавшись к стене, судорожно пытался снять автомат с предохранителя. Его пальцы дрожали, а глаза были расширены от ужаса.— Спокойно! — рявкнул Вихрь, хватая парня за плечо и одним движением ставя его так, чтобы стена прикрывала от огня. — Не смотри на них — смотри на угол. Как покажется силуэт — бей. Но только если увидишь цель! Громов, перекатившись к пролому в стене, уже выставил ствол наружу и короткими очередями прикрывал вход, не давая противнику подойти ближе.— Справа заходят! — прохрипел он, на секунду отрываясь от прицела. — Вижу двоих! Вихрь метнулся к окну, прижался к откосу. Сквозь мутное стекло мелькнули тёмные фигуры, бегущие от сарая к ферме. Он прицелился, задержал дыхание и дал короткую очередь. Одна из фигур споткнулась, упала, вторая тут же нырнула за угол. Рация зашипела, и голос диспетчера прорвался сквозь треск помех:— Вихрь, это База. Поддержка на подходе. Держитесь ещё пять минут. Пять ми-

нут. В бою это целая вечность. В этот момент дверь в дальнем конце коридора с грохотом распахнулась, и внутрь ворвались ещё двое. Петров вскинул автомат, но очередь ушла в потолок — парень стрелял от страха, не целясь. Вихрь рванулся вперёд, закрывая собой Петрова, и в упор дал очередь по нападавшим. В тесном помещении звук выстрела ударил по ушам, как молот. Один из противников рухнул, второй успел нырнуть за перегородку. — Не высовывайся! — рявкнул Вихрь Петрову и тут же перекатился к Громову. — Сколько магазинов осталось? — Два, — процедил Громов, перезаряжаясь. — И это всё. Вихрь сжал зубы. Патроны таяли быстрее, чем хотелось бы. А противник, похоже, знал здание лучше них — они чувствовали это по тому, как точно ложились пули, как ловко враг уходил изпод огня. Внезапно в проёме мелькнула тень — и Вихрь выстрелил почти на автомате. Тень исчезла, но тут же изза угла ударила ответная очередь, выбивая щепки из дверной коробки в сантиметре от его плеча. Он замер, прикидывая варианты. Выйти в коридор — значит подставиться. Ждать подкрепления — рисковать, что противник обойдёт их с тыла. Оставался только один путь. — Громов, прикрываешь коридор, — быстро бросил Вихрь. — Я пойду через кладовку — там есть лаз в подвал. Попробую зайти им в тыл. — Ты с ума сошёл! — рявкнул Громов. — Там темно, как в могиле! Ты сам себя подставишь! — А если мы будем сидеть здесь, нас просто зажмут, — спокойно ответил Вихрь, хотя внутри всё сжима-

лось от напряжения. — У нас нет выбора. Громов на секунду замер, потом коротко кивнул:— Ладно. Но если ты не выйдешь на связь через три минуты — я иду за тобой. Даже если это будет стоить мне головы. Вихрь криво усмехнулся:— Три минуты. Не больше. Он скользнул в кладовку, где пахло плесенью и старым зерном. В углу темнел пролом в полу — когда-то там был люк, теперь же доски были сорваны, открывая чёрную пасть подвала. Вихрь опустился на корточки, прислушался. Снизу доносились приглушённые голоса — значит, противник действительно использовал подвал как укрытие. Спустившись по гнилым ступеням, он оказался в темноте, где каждый шорох казался криком. Он двигался медленно, почти не дыша, чувствуя, как холодный воздух царапает лёгкие. Впереди мелькнул слабый свет — фонарик, который кто-то включил на секунду и тут же погасил. Вихрь замер, прижался к стене, выждал. И когда из темноты снова пробился луч, он ударил точно в силуэт, не давая врагу времени среагировать. Очередь прозвучала глухо, почти без эха, и свет погас навсегда. В тот же миг сверху раздался новый шквал выстрелов — Громов и Петров вступили в бой, отвлекая внимание на себя. Вихрь понял: это его шанс. Он рванулся вперёд, перепрыгивая через обломки, и выскочил в узкий коридор, ведущий к основному залу. Там, у пролома, стоял ещё один противник — он целился в сторону лестницы, не замечая Вихря за спиной. Секунда. Только одна секунда, чтобы принять решение. Вихрь шагнул впе-

рёд и крикнул:— Брось оружие! Противник дёрнулся, начал разворачиваться — и Вихрь ударил прикладом, не давая ему выстрелить. Удар вышел точным и жёстким: противник рухнул, не издав ни звука. В ту же секунду снаружи раздался гул моторов, и по ферме ударили ответные очереди — подкрепление наконец прибыло. Вихрь поднял голову, прислушиваясь к звукам боя, которые теперь звучали иначе: не как угроза, а как обещание, что этот круг замкнётся. Он вернулся к лестнице, поднялся наверх. В зале Громов прижимался к стене, перезаряжаясь, а Петров сидел на полу, прижав колени к груди, но автомат держал крепко.— Всё кончено, — тихо сказал Вихрь, опуская оружие. — Помощь пришла. Громов посмотрел на него долгим взглядом, потом хмыкнул:— Три минуты... Ты даже на секунду не опоздал. Вихрь устало опустился на пол рядом с ними, чувствуя, как дрожь, которую он сдерживал всё это время, наконец прорывается наружу. Но он не стыдился её. Здесь, в этой пыли и тишине, которая наступала после выстрелов, дрожь была просто признанием того, что он всё ещё жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.